

В. В. Щепкин, К. М. Карташов

При приёме экспедиции А. К. Лаксмана, первого русского посольства в Японии, фактический глава японского правительства Мацудайра Саданобу призвал действовать с опорой на «ритуал» и «закон». На основе ряда источников, имеющих отношение к экспедиции А. К. Лаксмана, в статье предпринимается попытка выяснить, какой смысл он вкладывал в эти понятия.

Ключевые слова: экспедиция А. К. Лаксмана, история российско-японских отношений, внешняя политика сёгуната Токугава, дипломатический протокол, Мацудайра Саданобу.

9 октября 1792 г. российское судно «Екатерина» с экспедицией А. К. Лаксмана на борту бросило якорь в гавани Нэмуру у северо-восточной оконечности Хоккайдо. Основными задачами экспедиции являлись возвращение попавших в Россию японских моряков и установление торговых отношений с Японией.

Решение доставить на родину потерпевших кораблекрушение японцев высоко оценил *родзю*¹ Мацудайра Саданобу (1759–1829). Так, в «Руководстве по обращению с русскими» он писал: «Они (русские) прибыли ныне, поведя себя достойно². Поэтому и нам следует не чинить препятствий и [действовать] исходя из ритуала и закона»³. Спустя более двадцати лет после этих событий он записал в своих воспоминаниях: «Однако они (русские) также привезли подношения и правительственное письмо. В связи с этим возникли разные мнения, но в любом случае дело не выглядело простым. Действовать силой было несвоевременным. Было решено донести до них [нашу позицию], опираясь на ритуал и закон»⁴. В данной статье мы постараемся, обратившись к ряду имеющих отношение к экспедиции А. К. Лаксмана текстам, выяснить, в чём состоял «ритуал» и на какой «закон» пытался опереться Мацудайра Саданобу.

¹ *Родзю* (яп. 老中) – высший пост в правительстве *бакуфу*, в обязанности которого входила разработка политического курса и ответственность за его исполнение.

² В оригинале использован термин *сэймэй* (яп. 正名) – «правильные имена». Исправление имён (кит. *чжэн мін* 正名), т. е. приведение названий в соответствие с сущностью вещей и явлений – одна из центральных концепций конфуцианской философии.

³ *Мацудайра Саданобу* 松平定信. Росиадзин ториацукаи тэдомэ 魯西亞人取扱手留: [Руководство по обращению с русскими] // Дайкокуя Кодая: сирё:сю: 大黒屋光太夫史料集: [Сборник источников по истории Дайкокуя Кодая] / под ред. Ямасита Цунэо 山下恒夫. Т. 1. Токио 東京: Нихон хё:ронся 日本評論社, 2003. С. 153.

⁴ *Мацудайра Саданобу* 松平定信. Угэ-но хито кото 宇下人言: [Рассказы побывавшего под сенью дворца] // Сю:ко:року 修行録: [Записки об изучении и практике]. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1969. С. 165.

В связи с прибытием экспедиции А. К. Лаксмана между чиновниками Нэмуру, Мацумаэ и Эдо завязалась оживлённая переписка. Визит посольства не был для японских властей полной неожиданностью. Слухи о возможном приезде русских просочились через айнов, и ещё в 1791 г. исследователь северных земель Могами Токунаи сообщил их *бакуфу*⁵.

Первое донесение о появлении в Нэмуру русского судна было представлено *бакуфу* в 10-м месяце 4-го года Кансэй⁶. Его автор – Мацумаэ Юносукэ, старший сын *даймё* Мацумаэ Митихиро. В донесении пересказывалась история Дайкокуя Кодаю⁷ и его спутников. Отмечалось также, что по прибытии японцы были допрошены чиновником от дома Мацумаэ⁸.

В следующем докладе Мацумаэ Юносукэ сообщалось, что члены экспедиции желают передать японцев в Эдо вместе с письмами и подарками, а пока их удалось остановить в Нэмуру. «Они же сказали, что будут ждать здесь ответа до 4–5 луны следующего года⁹, а если ответа не придёт, то они поедут в это время в Эдо. Поэтому до получения инструкций они будут ожидать здесь»¹⁰. Чиновникам, отправленным в Нэмуру, Мацумаэ Юносукэ дал указание решить вопрос по возможности мирно.

На доклад Мацумаэ Юносукэ *бакуфу* дало из Эдо следующий ответ: «Японцев, блуждавших по волнам, привезти сюда. Русских оставить в Нэмуру, выдавать им рис и сакэ, невежливостей не допускать и обращаться с ними любезно и внимательно. Относительно приёма японцев, носившихся по волнам, я [Мацудайра Саданобу] посылаю чиновников Исикава Рокуэмон и Мураками Дайгаку»¹¹. По словам историка российско-японских отношений Корияма Ёсимицу, сам факт того, что переговоры с А. К. Лаксманом вели официальные уполномоченные *бакуфу*, а не княжества Мацумаэ, следует рассматривать как успех экспедиции¹².

⁵ Могами Токунаи 最上徳内. Эдзо со:си ко:хэн 蝦夷草紙後編 : [Следующее издание «Записок об Эдзо»] // Хокумон со:сё 北門叢書 : [Серия «Библиотека Севера»]. Т. 3. Токио 東京: Кокусё канкко:кай 国書刊行会, 1972. С. 453–454.

⁶ В ноябре – декабре 1792 г. Годы правления Кансэй 寛政 – 1789–1801.

⁷ Дайкокуя Кодаю 大黒屋光太夫 (1751–1828) – японский крестьянин из провинции Исэ, капитан судна «Синсё-мару», в 1783 г. прибитого бурей к берегам России. Вместе с двумя другими членами экипажа «Синсё-мару», Коити 小市 и Исокити 磯吉, был доставлен в Японию экспедицией А. К. Лаксмана.

⁸ Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материковой Азии и России. Т. 2. Ч. 2. Первые сношения России с Японией. Иокохама: Типография Ж. Глюк, 1909. С. 49–50.

⁹ Согласно Журналу А. К. Лаксмана, делегация из Мацумаэ прибыла 29 апреля 1793 г., т. е. в точности в день начала 4-го месяца 5-го года Кансэй.

¹⁰ Позднеев Д. М. Указ соч. Ч. 2. С. 50.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Корияма Ёсимицу 郡山良光. Бакумацу нитиро канкэйси кэнкю: 幕末日露関係史研究 : [Исследование истории японо-русских отношений в период Бакумацу]. Токио 東京: Кокусё

Переговоры между А. К. Лаксманом и чиновниками *бакуфу* должны были состояться в Мацумаэ. Для этого члены российской экспедиции отправились на судне в Хакодате, чтобы оттуда быть препровождёнными по суше в Мацумаэ.

В Хакодате члены экспедиции были встречены местным *дайкан*¹³, по поручению которого «Екатерина» была отбуксирована в гавань. Затем А. К. Лаксман и его спутники в сопровождении *дайкан* и шести чиновников прошли в дом местного купца. После того, как русские помылись, их угостили блюдами из морепродуктов и с прежними церемониями препроводили обратно на корабль¹⁴. Во время другого ужина русским были предложены роскошные курительные приборы: серебряный для А. К. Лаксмана и лаковые для других членов посольства¹⁵.

К месту переговоров русские ехали в сопровождении 16 чиновников из Эдо и Мацумаэ, а также процессии, состоявшей в общей сложности из 450 человек. А. К. Лаксмана, штурмана В. Ф. Ловцова и волонтёра В. И. Коха, сына охотского коменданта, несли в *норимоно*¹⁶. Переводчик Е. И. Туголуков, сержант геодезии И. Ф. Трапезников, купцы В. Н. Бабилов и И. Г. Полномощный и ещё пятеро русских ехали на лошадях, каждый в сопровождении двух чиновников невысокого ранга. На случай, если А. К. Лаксман также захочет ехать верхом, для него вели осёдланную лошадь¹⁷. В пути было сделано несколько остановок, на которых для русских заранее готовили торжественные встречи и дома для ночлега. В Хакодате и Мацумаэ, а также во всех селениях, где останавливалось посольство, на его резиденцию вывешивалась надпись «российский дом»¹⁸.

Проявляя заботу об удобстве членов экспедиции, японцы обустроили помещения для приёма посольства в европейском стиле. Так, во время одной из встреч с японскими чиновниками А. К. Лаксман отметил «сделанные <...> нарочно для нас стулья»¹⁹. Дом, отведённый для русских гостей в Мацумаэ, был оснащён столами, скамейками, крова-

канко:кай 国書刊行会, 1980. С. 131; *Черевко К. Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 208–209.

¹³ *Дайкан* (яп. 代官) – чиновники, являвшиеся представителями *сёгуна* в уездах.

¹⁴ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию // *Преображенский А. А.* Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. № 4. 1961. С. 135–136.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ *Норимоно* (яп. 乗り物) – вид паланкина: носилки в виде кресла или ложа, укрепленные на двух длинных шестах, концы которых лежат на плечах носильщиков.

¹⁷ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 137.

¹⁸ *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 61; *Преображенский А. А.* Японцы глазами первого русского посольства // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1990. С. 307.

¹⁹ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 128.

тиями и полом «без постилок»²⁰. Относительно ритуала самих переговоров японцы сообщили, что следует снять обувь и в ходе встречи либо сидеть на коленях, либо «лежать на одном боку»²¹. Однако А. К. Лаксман ответил решительным отказом и настоял на том, чтобы каждая из сторон придерживалась своих традиций²².

Вопрос о том, в какой степени соблюдалось это требование А. К. Лаксмана, обстоятельно изучен японской исследовательницей Икута Митико. По её словам, японцы не только не пытались навязать следование своему ритуалу, но и, напротив, стремились соответствовать российским обычаям. При описании первого дня переговоров исследовательница отмечает, что некоторые из японских чиновников сидели не на *татами*, а на складных стульях. Приветствуя А. К. Лаксмана во второй день переговоров, *омэцукэ*²³ встали со своих мест, а затем подошли к русскому послу вплотную, чтобы отблагодарить за подарки, преподнесённые от имени И. А. Пиля²⁴ (во время первой встречи дистанция между участниками переговоров составляла 4 сажени, т. е. примерно 8,5 метра), в чём также можно усмотреть следование европейскому церемониалу. По мнению Икута Митико, если в устной речи и на бумаге японская сторона, хотя и подавала некоторые благоприятные для русских сигналы, преимущественно всё же намекала на нежелание открывать торговлю с Россией, то на «языке ритуала» продемонстрировала редкое радушие²⁵.

А. К. Лаксман с благодарностью отмечал, что и в Нэмуру, и в Хакодате, и в Мацумаэ он и его спутники были «наилучшим образом при-

²⁰ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 139.

²¹ По предположению Д. М. Позднеева, под этим подразумевалось сидение на пятках с протянутыми по полу руками [Позднеев Д. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 56].

²² Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 139–140.

²³ *Мэцукэ* (яп. 目付) – одна из должностей в японском правительстве эпохи Эдо (1603–1867), «инспекторы надзора». Чины службы надзора (*мэцукэ-яку* 目付役) делились на четыре ранга: высший ранг *омэцукэ* (御目付), старший ранг *мэцукэ* (目付), средний ранг *окати мэцукэ* (御徒目付) и младший ранг *окобито мэцукэ* (御小人目付). *Омэцукэ* подчинялись непосредственно *родзю* и возглавляли надзор за *даймё* (подробнее см. комментарий В. М. Константинова: *Кацурагава Хосю. Хокуса бунряку* Краткие вести о скитаниях в северных водах / пер. с яп., комментарий и приложения В. М. Константинова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 348–349). На встречу с А. К. Лаксманом в Мацумаэ были направлены *омэцукэ* Исикава Рокуэммон и Мураками Дайгаку.

²⁴ Пиль Иван Алферьевич (ок. 1730–1801) – российский государственный деятель, генерал-губернатор Иркутского и Колыванского наместничеств (1788–1794), от лица которого официально действовала экспедиция А. К. Лаксмана.

²⁵ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 140, 143; Икута Митико 生田美智子. Синтай кара ёминаосу бакумацу нитиро бунка ко:рю:си. Гайко: гирэй о тю:син ни 身体から読み直す幕末日露文化交流史・外交儀礼を中心に : [История японо-российских культурных контактов в период Бакумацу, переосмысленная с точки зрения тела. Проблема дипломатического протокола]. Осака 大阪: [б. и.], 2006. С. 68–69, 74, 77–78.

нимаемы и вспомоществуемы»²⁶, что весьма точно характеризует обращение японцев с членами русского посольства.

В то же время в отношении японцев к участникам посольства можно заметить и некоторую подозрительность.

Так, эдоские чиновники Танабэ Ясудзо и Такусагава Дэндзиро и находившийся при них лекарь Имаи Гэнъан сообщили, что ехали в Нэмуру с большой опаской, а ещё один чиновник, посетивший членов экспедиции в Нэмуру, Судзуки Кумадзо, признавался Е. И. Туголукову, что собирался в путь «как будто на отчаянность» и «был от всех провожаем со слезами и сам плакал»²⁷. Опасения были вызваны рассказами голландцев о том, что в России жестоко обращаются с иностранцами. Убедившись, однако, в добрых намерениях членов экспедиции, Танабэ Ясудзо и Такусагава Дэндзиро составили письмо в Эдо и выразили надежду, что оно изменит предубеждение правительства по отношению к русским²⁸.

Другой заслуживающий внимания эпизод имел место в ходе плаванья из Нэмуру в Хакодатэ. Согласно первоначальной договорённости, русским следовало плыть не в Хакодатэ, а в гавань Эдомо²⁹, расположенную на юго-восточном побережье Хоккайдо. Возможно, из подозрения, что русские нарушат эту договорённость, японцы попросили, чтобы кто-либо из членов экипажа «Екатерины» перешёл на японское судно. А. К. Лаксман воспринял это как унижение, ответив, что сомнения японцев беспочвенны и что «брать аманатов»³⁰ можно с айнов, но не с «просвещенных отправленных из Великороссийской империи для посольства чиновников»³¹. Договорённость не была выполнена потому, что экспедиция миновала Эдомо из-за тумана, а когда туман рассеялся, вернуться в Эдомо помешал противный ветер³².

Наконец, когда «Екатерина» вышла из Хакодатэ в обратный путь, был дан пушечный выстрел, призванный оповестить японцев об отправлении корабля. Вскоре русское судно нагнал чиновник из Мацумаэ, выразивший недовольство властей по поводу стрельбы. Несмотря на то, что чиновнику были даны разъяснения, через несколько дней А. К. Лаксман заметил два японских корабля, посланных для наблюдения за ходом «Екатерины»³³.

Таким образом, членам русского посольства был оказан любезный и торжественный приём, сочетавшийся, однако, с некоторой настороженностью.

²⁶ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 143.

²⁷ Там же. С. 124.

²⁸ Там же.

²⁹ Ныне порт Муроран.

³⁰ Аманат – в общем смысле: нечто вверенное на хранение. В данном случае используется в значении «заложник, переданный в обеспечение выполнения какого-либо соглашения».

³¹ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 134.

³² Там же. С. 136.

³³ Там же. С. 146.

Из текста Журнала А.К. Лаксмана также явствует, что участники миссии были подвергнуты ряду ограничений и запретов.

В первую очередь речь идёт о жёстком пресечении контактов русских с местными жителями. Как записал А. К. Лаксман, по прибытии «Екатерины» в гавань Хакодатэ её окружило множество лодок. Японцы из любопытства причаливали к русскому кораблю и просили разрешения подняться на борт, однако специальные служащие отгоняли их железными палочками, бросали в них поленьями и «били людей без всякой пощады, отганивая их далее»³⁴. В конце Журнала указано, что «для наблюдения, чтоб [члены посольства] не имели от городских жителей беспокойства» с момента прибытия экспедиции в Хакодатэ до её отправления на родину неподалёку от берега находилось японское судно³⁵.

Описывая прибытие в Мацумаэ, А. К. Лаксман отметил, что дома «были <...> раскрыты и наполнены обоего пола зрителями»³⁶, что свидетельствует об интересе к посольству со стороны простых японцев. Однако чтобы русские не могли общаться с местным населением, над забором, окружавшим резиденцию посольства, было натянуто полотно, а у ворот дома дежурил караул из 60 человек³⁷.

В Хакодатэ членам экспедиции не было позволено свободно ходить по улицам. А. К. Лаксману разрешили осмотреть только северный берег, где располагалась деревня «Хамеда»³⁸, и только в сопровождении чиновника. На берегу русским было запрещено даже стирать бельё³⁹.

Очевидно, что в подобных условиях попытки продемонстрировать образцы товаров, которые привезли русские купцы, а тем более начать пробный торг, не увенчались успехом. Чиновники сообщили, что на торговлю требуется особое разрешение *бакуфу*, и добавили, что любая ошибка при исполнении обязанностей может стоить им жизни⁴⁰.

Памятуя о восстании айнов на о. Кунашир в 1789 г., власти княжества Мацумаэ опасались возможного сближения русских с айнами. Чтобы контролировать общение между ними, японские чиновники остались зимовать в Нэмуру, хотя обычно возвращались на зимовку в столицу княжества, Мацумаэ⁴¹. Надзор за контактами русских с айнами был одной из задач Судзуки Кумадзо и врача Като Кэнго, прибывших из Мацумаэ в декабре 1792 г.⁴²

³⁴ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 135.

³⁵ Там же. С. 146.

³⁶ Там же. С. 139.

³⁷ Там же.

³⁸ Имеется в виду Камэда – ныне район Хакодатэ. До 1973 г. – отдельный город.

³⁹ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 136.

⁴⁰ Там же. С. 144.

⁴¹ Там же. С. 119.

⁴² Там же. С. 121–122.

В свою очередь, *бакуфу* стремилось установить контроль над сношениями русских с княжеством Мацумаэ, которое тяготилось опекой центрального правительства⁴³. Не случайно А. К. Лаксман заметил, что после прибытия чиновников из Эдо, русских перестали навещать чиновники из Мацумаэ, опасавшиеся обвинений в незаконных связях с иностранцами⁴⁴. Когда глава русского посольства выразил желание лично встретиться с князем Мацумаэ, отблагодарить его за гостеприимство и передать подарки, *омэцукэ* заявили, что князь лишь в точности следовал указаниям *бакуфу* и, следовательно, в визите нет необходимости. Было, впрочем, разрешено передать подарки через чиновника. Из текста Журнала явствует, что подарки для князя Мацумаэ выбирались особенно тщательно, чтобы произвести должное впечатление на главу территории, пограничной с Россией⁴⁵.

Подводя промежуточный итог, отметим, что по распоряжению Мацудайра Саданобу с самого прибытия экспедиции до её отправления на родину японцы обходились с русскими чрезвычайно вежливо и предупредительно, что, вероятно, и отражает его установку на «ритуал». Несмотря на это за некоторыми действиями японцев угадываются настояженность и подозрительность. Жёстко пресекались контакты русских с местным населением, ограничениям было подвергнуто общение с айнами и чиновниками княжества Мацумаэ.

Перейдём к рассмотрению второго компонента пары, взятой за основу в переговорах с русскими, – закона. Зачастую под упомянутым Мацудайра Саданобу «законом» имеют в виду так называемые законы о закрытии страны⁴⁶, в частности, возможность принять иностранное судно только в Нагасаки. Действительно, ещё в 1635 г. всем китайским торговым судам было приказано прибывать именно в этот порт, а в 1641 г., через два года после запрета на приезд португальских судов, в Нагасаки была переведена также фактория Голландской Ост-Индской компании. Туда же в течение XVII в. прибывали суда из стран Юго-Восточной Азии, Португалии и Англии с предложениями о возобновлении торговли. При этом какого-либо специального закона или другого документа, который бы ограничивал места сношений с иностранцами портом Нагасаки, вплоть до конца XVIII в. не существовало. Таким образом, понимание Нагасаки как единственного места, куда может прибыть иностранное судно, было, скорее, сложившимся обычаем, воспринимаемым как закон. Это подтверждается тем фактом, что во время переговоров с русскими в 1778–1779 гг. на предложение об от-

⁴³ Файнберг Э. Я. Указ. соч. С. 56.

⁴⁴ Журнал посольства А. Лаксмана в Японию. С. 123.

⁴⁵ Там же. С. 143–144.

⁴⁶ Позднеев Д. М. Указ. соч. Ч. 3. Отражение первых сношений с Россией в жизни Северной Японии. С. 114, 123; Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 74.

крытии торговли чиновники княжества Мацумаэ отвечали, что «если же хотят торговаться, то есть место Нагасаки, их же государства, где со всех сторон собираются народы и торг производят, тоб туда к торгу ходили»⁴⁷. Вероятно, Мацудайра Саданобу, который знал об этом прецеденте из докладов экспедиции в земли айнов 1785–1786 гг., решил, что русских такая формулировка сможет убедить.

Среди документов, переданных российской стороне после переговоров в Мацумаэ, наряду с известным разрешением на заход одного российского судна в Нагасаки (яп. *симпай* 信牌) было выдано также «Официальное предостережение» (яп. *юси* 諭旨), получившее в русском переводе название «Лист, предписанный от его Тензин-Кубосского величества о узаконении в государстве Японском в рассуждении прихода иностранных судов»⁴⁸. Поскольку публиковавшийся в России перевод этого текста содержит большое число расхождений с оригиналом, а архаичный язык затрудняет понимание современными читателями, позволим себе предложить новый перевод.

«С давних пор [в Японии] действует государственный закон, по которому в случаях, когда суда иностранных государств, не имеющих дипломатических отношений [с Японией], прибывают в японские земли, они либо арестовываются, либо выдворяются силой, и закон этот соблюдается и сейчас. Даже если прибывают, чтобы доставить унесенных течением из нашей страны людей, высаживаться на берег в гаванях кроме Нагасаки не позволяется. Кроме того, если течением принесёт судно другого государства, то с давних пор, даже если это судно государства, имеющего дипломатические отношения [с Японией], [людей с него] возвращают в свою страну из гавани Нагасаки на голландских судах. Однако если они нарушат законы нашей страны, их оставляют [в Японии] и не возвращают. Также, с основания государства, если приносит течением [суда] из стран, не имеющих дипломатических отношений, то суда уничтожаются, а люди навечно остаются [в Японии] и не возвращаются. При всём этом, осозная ваш труд по доставлению из дальних мест людей нашего государства, а также [понимая, что вы] до сих пор не знали законов нашего государства, в этот раз мы позволили вернуть [людей] как есть, но впредь нельзя приезжать даже в эти земли [т. е. земли айнов и княжество Мацумаэ].

⁴⁷ Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб.: Типография Майкова, 1871. С. 461.

⁴⁸ Перевод этого документа опубликован: Лист, предписанный от его Тензин-Кубосского величества о узаконении в государстве Японском в рассуждении прихода иностранных судов // Архив князя Воронцова. Кн. XXIV. Бумаги разного содержания. М.: В Университетской типографии (М. Катков), на Страстном бульваре, 1880. С. 411–413; Лист японского правительства А. К. Лаксману о запрещении плавать вдоль берегов Японии // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов / отв. ред. Р. В. Макарова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 314–315.

Вы привезли правительственное письмо, но, если страна не имеет дипломатических отношений [с нашей], мы не можем знать титула государя, не владем ни языком, ни письменностью такой страны, не знаем разницы между высшими и низшими, а потому сложно поддерживать правильный ритуал. То, что считается почтительным в нашем государстве, в вашем может оказаться грубым – это невозможно угадать, а потому мы не можем позволить обмен правительственными письмами. В этот раз мы не можем отказать [в принятии] привезённых людей, унесённых течением, однако и позволить дипломатические сношения из этих земель [т. е. Мацумаэ] мы не можем.

Также мы не можем позволить приезжать непосредственно в Эдо. Причина этого в том, что с древних времен даже странам, с которыми есть дипломатические или торговые отношения, не позволяем [прибывать] без разрешения в места, кроме определённых для этого. В случае если вы вопреки этому приедете, с вами повсюду будут обращаться строго, а поскольку во всех гаванях нашей страны [вашего] языка не понимают, это может навредить ещё больше. В этот раз вы настойчиво твердили, что идти из айнских земель непосредственно в Эдо – это указ государя вашей страны, и если мы сейчас не ошибаемся в смысле ваших слов, то, [поступив так], вы, напротив, всё равно что нарушите указ государя вашей страны. Причина этого в том, что поскольку действует закон, [согласно которому] когда показывается судно иностранного государства, вдоль всех побережий с ним обращаются строго, и либо задерживают, либо обстреливают, то если вы будете искать дружеского обращения, то, наоборот, тем самым нанесёте себе вред. Можно сказать, что таким образом вы нарушите и указ государя вашей страны. Если вы не согласитесь со всеми пунктами, что мы вам сейчас разъяснили, мы арестуем всех и будем действовать в соответствии с законом нашей страны. Даже если вы в этот момент раскаетесь, поделать ничего будет нельзя.

В место [вашего пребывания] прибыли представители правительства в Эдо, чтобы разъяснить законы нашего государства, воздать должное за ваши труды по доставлению из дальних мест людей, унесённых течением, и чтобы у людей вашей страны не возникло недопонимания всего, что было изложено здесь. Вы, доставившие [этих людей], по видимому, изначально получили указание передать их людям из правительства в Эдо, однако нет причин для того, чтобы не исполнить это здесь [в Мацумаэ]. Вы можете сказать, что если вам не позволяют [отправиться] в желаемое место по закону нашего государства, то вы не передадите привезённых вами людей. В этом случае мы не будем отбирать их от вас силой, хотя это и не значит, что мы не сострадаем людям нашего государства. Однако только по этой причине мы не можем нарушать государственный закон. Поняв всё вышеизложенное, вы вольны

поступать так, как вам вздумается. Если вы также решите доставить сюда двоих, унесённых течением и не доставленных [в этот раз] по причине болезни, нельзя повторно прибегать к таким же способам. Вы должны понять, что нигде, кроме Нагасаки, мы их не примем. Даже если вы будете доставлять их в гавань Нагасаки, нельзя проплывать в видимости берегов нашего государства, а плыть следует в открытом море. Как мы уже дали понять ранее, во всех гаванях действует распоряжение, а потому нельзя относиться к этому беспечно и допускать опасные действия. Даже если вы придёте в гавань Нагасаки, в случае отсутствия письменного разрешения по одному для каждого судна пройти [в гавань] вы не сможете. Кроме того, хотя дипломатические и торговые отношения сложно без оснований позволить государствам помимо уже определённых, если вы захотите чего-то ещё, то нужно ехать в Нагасаки и следовать указаниям местных властей. [Теперь] вы должны хорошо осознать всё то, о чем мы подробно сообщили, и незамедлительно уезжать»⁴⁹.

Из текста данного документа следует, что закон, на который неоднократно ссылаются авторы, подразумевает два основных пункта: арест или выдворение силой судов иностранных государств, с которыми у Японии нет дипломатических или торговых отношений, и запрет на прибытие иностранных судов куда-либо, кроме Нагасаки. Второй пункт, как уже отмечалось, являлся скорее сложившимся обычаем, восходящим к указам 1630-х годов, которые оформили внешнеполитическую систему токугавской Японии. Что касается первого пункта, то он был законодательно оформлен лишь за год до прибытия экспедиции А. К. Лаксмана. Речь идёт об упомянутой выше инструкции о действиях в отношении иностранных судов, выпущенной в 1791 г. в ответ на появление вблизи юго-западных берегов Хонсю британского судна «Аргонавт». Вот её текст:

«В недавнее время в море у провинций Тикудзэн, Нагато и Ивами появилось одно иностранное судно. Оно то плавало на удалении в открытом море, то подходило к самому берегу, и так продолжалось более восьми дней. [...] Сначала следует изъять судходные снасти, препроводить судно в Нагасаки и запросить указания для дальнейших действий. Впредь на случай обнаружения иностранного судна необходимо разместить личный состав, и когда [судно] впервые появится, не предпринимать сразу силовые меры, а направить письменный запрос или дознавателя для изучения обстоятельств. Если [на иностранном судне] будут сопротивляться нашим действиям, следует полностью уничто-

⁴⁹ Перевод выполнен по изданию: Юси 諭旨 : [Официальное предостережение] // Дайкокуя Ко:даю: сирё:сю: 大黒屋光太夫史料集 : [Сборник источников по истории Дайкокуя Ко-даю] / под ред. Ямасита Цунэо 山下恒夫. Т. 2. Токио 東京: Нихон хё:ронся 日本評論社, 2003. С. 361–365.

жить судно и экипаж, либо можно перебраться на это судно, быстро вступить в бой и зарубить членов экипажа. Арест также не возбраняется. Использование пушек также возможно по необходимости. Однако если на письменный запрос будет получен ответ или работе нашего дознавателя не будет создаваться препятствий, нужно действовать спокойно, пусть даже путём хитрости привязать иностранное судно, изъять судходные снасти, членов экипажа препроводить на берег, приставить к ним стражу, не дав таким образом судну уйти, и как можно скорее запросить у правительства указаний для дальнейших действий. Если в этом случае будет оказываться сопротивление, нужно арестовать их и заключить в тюрьму. Поскольку неизвестно, какую религию исповедует экипаж иностранного судна, людям, кроме стражников, запрещено даже смотреть на них. Если вышеуказанных судов не более одного или двух, поступать следует в соответствии с вышеизложенными указаниями. Если же это флотилия из нескольких судов, или хотя судов и мало, но они с самого начала представляют опасность, действовать следует в соответствии с обстоятельствами. Впрочем, в случае такого происшествия следует как можно скорее известить близлежащие владения и, мобилизовав людей и собрав суда, выступить в море»⁵⁰.

Как мы можем видеть, сопоставив два процитированных документа, Мацудайра Саданобу, вероятно, опасаясь столкновения с таким могущественным государством, как Россия, выступил против применения данной инструкции по отношению к членам посольства. Было решено снабдить русских всем необходимым и предоставить им статус гостей, но вместе с тем не допустить появления русского корабля в незащищённой гавани Эдо⁵¹. Если проанализировать действия центрального правительства Японии после ухода российского судна из японских вод, то мы, действительно, увидим, что наиболее важным последствием визита русских стало осознание незащищённости столицы Эдо и прилегающего к ней морского побережья. Мацудайра Саданобу лично осуществил инспекционные поездки по провинциям, прилегающим к заливу Эдо. В то же время нельзя не отметить определённую долю хитрости в документе центрального правительства: вышедшая всего годом ранее инструкция преподносится как действующий с давних пор государственный закон.

«Официальное предостережение» стало первым в своём роде документом, в котором осуществлена попытка разъяснить принципы внешней политики центрального правительства дома Токугава. В отличие от выданной в 1805 г. Н. П. Резанову «Разъяснительной записки», где основы

⁵⁰ Перевод выполнен по изданию: Ёкояма Ёсинори 横山伊徳. Кайкоку дзэнъя но сэкай 開国前夜の世界 : [Мир накануне открытия страны] // Нихон кинсэй но рэкиси 日本近世の歴史 : [История Японии в период позднего средневековья]. Т. 5. Токио 東京: Ёсикава ко:бункан 吉川弘文館, 2013. С. 8–9.

⁵¹ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 211.

внешнеполитического курса излагались уже более обстоятельно и безапелляционно, «Официальное предостережение» носило ситуативный характер: японские власти постулировали следование издавна действовавшим государственным законам основой своего курса, допуская при этом его гибкость. Установление дипломатических и торговых отношений с новыми государствами «сложно без оснований позволить», но всё же оказывается возможным – А. К. Лаксману было передано разрешение на прибытие одного российского судна в Нагасаки.